

Сергей Свей

**Пирр. Внук
Ахилла. Сын
спецназа**

Сергей Свой Пирр. Внук Ахилла. Сын спецназа.

<https://litres.ru/73988658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не проиграл ни одного сражения. Но вошел в историю как царь, чье имя стало символом пустой победы. Пирр Эпирский, потомок Ахилла, гений войны и вечный неудачник в большой политике. Все меняется, когда в его тело, оглушенное ударом, влетит сознание русского офицера спецназа. Теперь "пиррова победа" обретает новый смысл. Потому что "сын спецназа" не умеет проигрывать. Он докажет это. Даже если для этого придётся сжечь Рим.

P.S. Для "исторически подкованных" читателей - это фантастика, мистика ну да всё что угодно, только не реальные события. Хотя ... как знать, как знать)))

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	80
Глава 4	106
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Сергей Свой Пирр. Внук Ахилла. Сын спецназа.

Глава 1

Позывной «Пирр» я взял сам.

На втором курсе Рязанского училища, когда заполняли анкеты для распределения в ГРУ, ротный спросил: «Как в эфире будешь?».

Я сказал.

Он хмыкнул: «Это который «пиррова победа»? Проигравший, что ли?»

— Никак нет, товарищ подполковник. Который не проиграл ни одного сражения. Просто выигрывать не умел стратегически. Я научусь.

Ротный усмехнулся, но позывной приклеился. Восемь

лет, три Сирии, полгода СВО. Привык. Даже нравилось.

Пирр — «Огненный». По цвету волос, говорят, древние так обзывали. У меня своих уже почти не осталось, под ноль стригусь, но суть не в этом.

Суть в том, что Пирр Эпирский — единственный из древних, кто мне реально был интересен. Александр — гений, да. Ганнибал — красавчик. Цезарь — менеджер, организатор. А Пирр — воин. Чистый, без примесей. Внук Ахилла по прямой линии. Его дед Неоптолем, сын Ахилла, разнес Трои так, что камня на камне не оставил. И Пирр в деда пошел — такой же бешеный в бою, такой же неуступчивый. Не проиграл ни одного сражения, но в историю вошел как лох, который побеждал себе в убыток. Обидно. Несправедливо.

Я лежал за бруствером и думал об этом. Глупо, конечно. Посреди войны думать о царе, который умер три тысячи лет назад. Но когда полчаса назад отработал корректировку и «Стрелка» на том берегу накрыли наши «Гиацинты», можно было позволить себе расслабиться.

Я снял шлем, вытер пот грязной рукой. Достал флягу.

Свист услышал сразу.

Не тот, предупреждающий, далекий. А тот, последний, от которого нет спасения. «Три топора»? Сброс с дрона? Какая разница.

Я еще успел увидеть, как командир взвода, «Беркут», открывает рот в крике. Как «Студент» пригибается к земле, закрывая голову руками. А потом — свет.

Ослепительный, белый, всепроникающий. Который не оставляет теней.

И боль. Не та, когда режет или ломает, а когда тебя просто стирают. Разбирают на атомы. Взрывной волной швырнуло, перекутило, как тряпичную куклу.

Я еще успел подумать: «Где же ты, броня, мать твою...»

А потом темнота.

Темнота была странная. Не пустая. Гудела. В ней плыли обрывки мыслей, лиц, имен. Мать. Отец. Школа. Первая любовь. Училище. Сирия. Беркут. Студент.

И поверх всего этого, как наложение кадров в старом кино, поплыло другое. Чужие воспоминания.

Каменистые горы. Блеск моря. Лагерь воинов в кожаных доспехах. Речь на непонятном, но почему-то родном языке. И имя, которое билось в висках, как набат.

Пирр.

Я — Пирр. Но я и есть Пирр... какой же я Пирр?

Сознание схлопнулось в точку. А потом точку взорвало обратно.

Я открыл глаза.

Первое, что я увидел, — деревянный потолок. Грубо тесаные балки, между ними пучки сухой травы. Пахло дымом, овечьей шерстью и еще чем-то кислым, немывтым телом. Резко, остро, непривычно.

«Блиндаж, — подумал я. — Отрыли нормально. Но почему потолок деревянный? Нас же накрыло...»

Попытался пошевелиться. И понял, что не могу. Тело было ватным, чужим. Я ощущал его каждый миллиметр — и это были не мои мышцы. Руки — тяжелее, шире в кости. Грудь — будто стальным обручем стянута. Голова — чугузная, гудит.

А потом пришла память.

Она ворвалась не постепенно, а ударом, как тот самый снаряд.

Детство. Отец Эакид, царь Эпира. Мне два года, меня передают с рук на руки через бурную реку — чужие воины спасают от заговора. Царь Главкий в Иллирии, который вырастил меня как сына. Юность. Возвращение в Эпир. Борьба за власть. Деметрий Полиоркет — друг и враг. Македония. Фессалия. Бой. Кровь. Победа. Поражение.

И имя, которое я носил с гордостью. Пирр. «Огненный», «Рыжий» — за цвет волос.

Я открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался только сиплый хрип. Зашарил рукой по лицу. Волосы. Длинные, жесткие, сбившиеся в колтуны. Борода. Я никогда не носил бороду.

— А-а-а... — выдохнул я.

Голос был низкий, гортанный. Чужой.

«Сон. Бред. Контузия. Меня контузило, я в госпитале, это

все глюки».

Зажмурился изо всех сил. Сжал веки так, что в глазах вспыхнули искры.

Открыл.

Потолок не изменился.

Тогда я сел. Рывком, на одном адреналине, хотя все тело взвыло от боли. Осмотрелся.

Я лежал на куче шкур. Рядом стоял грубый деревянный стол, на нем — глиняная миска с остатками каши, деревянная кружка. У стены — кожаные доспехи на подставке, шлем с высоким гребнем, меч в ножнах — прямой, обоюдоострый. На полу — щит, обтянутый кожей, с бронзовым умбоном.

И тишина. Только потрескивает факел в держателе на стене.

Я посмотрел на свои руки. Большие, мозолистые, в шрамах. На указательном пальце правой — старый, давний шрам, еще с детства, когда на нож напоролся. Я помнил, как это было. Мне восемь лет, я учусь владеть мечом, наставник...

Стоп.

Откуда я это помню? Я никогда не учился владеть мечом. У меня нож, автомат, снайперская винтовка. А это — не мои воспоминания.

Я сжал голову руками. В висках пульсировало, перед глазамиплыли два слоя реальности. Я помнил свою мать — и одновременно помнил мать Пирра, Фтию, которая умерла, когда мне было десять. Я помнил Рязань, казарму, запах солянки и портянок — и помнил горы Эпира, запах моря и овечьих отар.

— Твою мать, — прошептал я на русском.

И тут же услышал эхо этого шепота в чужой памяти. Пирр не знал такого языка. Но я знал.

Дверь — тяжелая, деревянная, обитая бронзой — приоткрылась. Я дернулся, инстинктивно ища оружие. Рука метнулась к поясу — пусто.

В проеме показалось лицо. Мужчина, лет сорока, с короткой стрижкой, в кожаном панцире, с мечом на боку. Увидел меня, сидящего на шкурах, и лицо его осветилось радостью.

— Царь! — выдохнул он. — Очнулся! Клянусь Зевсом, очнулся!

Он обернулся в коридор и заорал:

— Эй! Кто там! Царь очнулся! Бегом за врачом! Гефест! Кина! Царь жив!

Царь.

Он назвал меня царем.

Я смотрел на него, и в голове всплыло имя. Это Киней. Фессалиец, советник Пирра, человек, которого царь отправлял послом к разным правителям — потому что Киней умел говорить так, что убеждал даже врагов. Умный, хитрый, преданный.

— Киней... — сказал я.

Голос прозвучал хрипло, но имя я произнес правильно. На греческом.

Киней подскочил ко мне, опустился на колени, схватил мою руку.

— Я здесь, царь. Я здесь. Ты как? Помнишь ли, что случилось?

Я напряг память. Чужую память.

Битва при Гераклее. Только что отгремела. Римляне — проклятые римляне — лезли как бешеные. Мои слоны их испугали, но не остановили. Мы победили. Но какой ценой...

— Помню, — сказал я. — Римляне.

Киней кивнул, и в глазах его блеснула влага.

— Ты был в самой гуще. Копье попало в шлем, ты упал с коня. Мы уж думали... Врачеватель сказал, удар был сильный, мог разmozжить голову. Ты не дышал почти, мы уж и факелы приготовили...

Он сжал мою руку сильнее.

— А ты жив. Боги тебя хранят, царь. Сам Ахилл, дед твой, заслони́л тебя своим щитом.

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри все переворачивается.

Ахилл. Дед.

Для него это не метафора. Для этих людей Ахилл — реальный предок, божественный пращур, который вмешивается в дела потомков. Они верят в это так же свято, как я верил в автомат Калашникова.

А для меня? Для меня Ахилл был героем книжек, которые я читал в детстве. «Илиада» в переводе Гнедича — тяжелая, как кирпич, с длиннющими строками. Я продирался через нее в училище, когда другие девок клеили. Потому что Пирр. Потому что интересно.

И теперь я — его внук.

Не в переносном смысле. Буквально. Потому что дед Пирра — Неоптолем, сын Ахилла, тот самый, который зарубил царя Приама у алтаря Зевса, когда Трои брали.

Вот это родословная.

— Киней, — сказал я, — дай воды.

Он метнулся к столу, схватил кружку. Я взял, отпил. Вода была теплая, отдавала глиной и чуть-чуть — вином, навер-

ное, разбавляли для вкуса.

— Где мы? — спросил я.

— В Таренте, царь. В доме, который дал нам Милон. Ты помнишь? Мы пришли сюда по зову тарентинцев, они просили защиты от римлян.

Я помнил. Тарент — греческий город в Италии. Они позвали Пирра воевать с Римом. Предложили деньги, корабли, воинов. Пирр согласился — потому что хотел создать свою империю на западе, как Александр создал на востоке.

И приперся в Италию с армией и слонами.

— Римляне? — спросил я. — Что с ними?

Киней усмехнулся — горько так, по-стариковски.

— Бежали. Как зайцы. Твои слоны их разметали, конница добила. Лагерь их мы взяли. Консул Валерий еле ноги унес.

— А наши потери?

Киней помолчал.

— Большие, царь. Очень большие. Пехота пострадала — римляне дрались как звери. Легионеры у них... они не греки. Они не бегут. Их нужно убивать до последнего, иначе они убьют тебя.

Я кивнул. Это я и без чужой памяти знал. Римские легионы — это машина. Тупая, железная, безжалостная машина.

— Сколько? — спросил я.

— Тысяч четыре, — тихо сказал Киней. — Может, пять. Точнее еще считают.

У меня внутри все оборвалось. Четыре тысячи. За одну битву. При том, что армия Пирра — не миллионная орда персов, а профессиональное войско, каждого бойца растили годами.

— А римлян?

— Тысяч семь, — ответил Киней. — Может, восемь. Мы победили, царь. Славная победа.

Славная победа.

Я закрыл глаза.

Вот она. Та самая «пиррова победа», о которой я читал в учебниках. Выиграть битву — и потерять столько людей, что вторая такая же оставит без армии.

И теперь это моя армия. Мои люди. Моя война.

— Киней, — сказал я, открывая глаза. — Слушай меня внимательно.

Он подался вперед.

— Никаких переговоров с Римом. Никаких посольств с предложениями мира. Ты понял?

Киней удивленно моргнул.

— Но, царь... ты же сам хотел. Ты говорил, что после такой победы они запросят мира на наших условиях.

— Я передумал.

Я смотрел ему в глаза. В голове крутилось: «Не показывать слабость. Не показывать, что ты не в себе. Царь должен быть царем».

— Римляне не запросят мира, — сказал я. — Они придут снова. У них людей — тьма. Италия огромна, каждый сабинянин, каждый латин, каждый, кто носит имя римлянин, возьмет меч, если мы дадим им время. Поэтому времени мы им не дадим.

— Что ты хочешь делать? — осторожно спросил Киней.

— Идти на Рим.

Киней открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл.

— Царь... это безумие. У нас нет сил для осады. У нас нет продовольствия на долгий поход. Нам нужно...

— Нужно ударить, пока они не опомнились, — перебил я. — Не осаждать. Идти быстро, легким отрядом, на плечах бегущих. Ворваться в город, пока они не закрыли ворота.

Я говорил и сам не верил, что это говорю. Это была не тактика античности. Это была тактика спецназа. Рейд. Глубокий, дерзкий, наглый рейд в тыл противника, пока он не очухался после разгрома.

Но Киней смотрел на меня как на сумасшедшего.

— Царь... Рим — это не лагерь. Это город. Стены. Граждане, которые будут драться за каждый дом. У нас нет стенобитных машин, у нас нет...

— Будут, — сказал я.

Я не знал, откуда во мне эта уверенность. Но она была.

В дверь постучали. Киней встал, открыл. Вошли трое.

Я узнал их сразу, как только память Пирра подсказала имена.

Гефест — пожилой, кривой на один глаз, начальник царской гвардии. Ветеран, прошедший с Пирром все войны. Лицо в шрамах, рука на перевязи — тоже сегодня досталось.

Милон — тарентинец, хозяин дома, богатый купец, который уговорил Пирра прийти в Италию. Лысый, улыбчивый, хитрый, как сто греков вместе взятых.

И врачеватель — сухой старик с длинной седой бородой, в грязном хитоне, с сумкой через плечо. Имени его память Пирра не сохранила — просто «врачеватель», их при царе менялось много.

Гефест подошел первым. Опустился на колени, взял мою руку, прижался лбом.

— Царь... — голос у него дрогнул. — Думали, потеряли тебя. Думали, все...

— Я здесь, Гефест, — сказал я. — Вставай.

Он поднялся, и я увидел в его глазах слезы. Мужик пятидесяти лет, битый, стреляный, плакал, как ребенок. От радости.

Милон подошел следом, поклонился.

— Боги слышали наши молитвы, царь. Тарент ликует. Твоя победа при Гераклее — величайшая победа греков над варварами за сто лет.

— Это не победа, — сказал я. — Это начало.

Милон удивленно поднял бровь.

— Мы поговорим об этом позже, — добавил я. — Сейчас — дайте мне прийти в себя.

Врачеватель подошел, бесцеремонно отодвинул Милона

плечом.

— Дай посмотрю.

Он ощупал мою голову, заглянул в зрачки, пощупал пульс на шее. Потом отстранился.

— Сильный удар. Кровь под кожей, но череп цел. Зрачки... странно, не расширены. Должен быть мертв или в беспомощности, а сидит, разговаривает. Чудо.

— Я же говорил — Ахилл защитил, — вставил Киней.

— Ахилл там или не Ахилл, — буркнул врачеватель, — но дня три ему лежать. Никаких дел, никаких разговоров. Только покой и сон.

Он повернулся ко мне.

— Ты понял, царь? Если встанешь раньше — кровь ударит в голову, и тогда точно конец.

Я кивнул.

— Понял.

Врачеватель еще раз оглядел меня, что-то пробормотал и отошел к столу — смешивать свои снадобья.

Киней снова подошел ближе.

— Царь... я должен спросить.

— Спрашивай.

Он помялся.

— Ты... ты точно помнишь все? После таких ударов люди иногда... ну... говорят не то. Делают не то.

Я посмотрел ему в глаза. Он проверял. Осторожно, мягко, но проверял.

— Помню, — сказал я. — Ты Киней, фессалиец. Твой отец был кожевником в Лариссе, ты учился в Афинах, у самого Демосфена. Я посылал тебя к Деметрию, к Птолемею, к царю Македонии. Ты никогда не подводил меня. И сейчас не подведешь.

Киней выдохнул.

— Прости, царь. Прости. Я должен был спросить.

— Правильно сделал.

Гефест шагнул вперед.

— Царь, люди хотят тебя видеть. Воины. Они не верят, что ты жив. Им нужно увидеть тебя своими глазами.

Я покачал головой.

— Не сейчас. Передай — я жив, я приду. Скажи... скажи, что Пирр еще повоюет. Что римляне еще пожалеют, что перешли дорогу внуку Ахилла.

Гефест кивнул и вышел. Милон замялся, потом тоже поклонился и ушел. Врачеватель оставил на столе какую-то склянку, буркнул «пить на ночь» и тоже исчез.

Остался только Киней.

Он стоял у двери и смотрел на меня.

— Что-то еще? — спросил я.

— Ты изменился, царь.

— Удар по голове.

— Не только. Раньше ты... раньше ты был горячим. Вскатывал, хватался за меч, кричал. А сейчас сидишь тихо и смотришь так... будто видишь что-то, чего другие не видят.

Я усмехнулся.

— Может, и вижу.

Киней помолчал.

— Ты действительно хочешь идти на Рим? Сразу? Сейчас?

— Да.

— Это безумие.

— Это война.

Он вздохнул.

— Хорошо. Я поговорю с командирами. Но они будут против. Им нужен отдых, добыча, женщины. Они хотят пировать в Таренте, а не умирать под римскими стенами.

— Они получают и то, и другое, — сказал я. — Но сначала — Рим.

Киней покачал головой, но спорить не стал. Вышел, прикрыл дверь.

Я остался один.

Сидел на вонючих шкурах, смотрел на свои чужие руки и пытался осознать, что, мать его, происходит.

Я погиб на СВО. Это факт. Тот снаряд, тот свет — это смерть. Я не выжил. Меня разобрало на куски где-то под Кременной или под Угледаром — какая разница.

Но я здесь.

В теле человека, который умер три тысячи лет назад. Который только что выиграл битву, но потерял кучу народу. Который собирается воевать с Римом — и, если верить истории, проиграет эту войну, хотя не проиграет ни одного сражения.

Хрен там.

Я поднял руку, сжал кулак. Сила в теле была — звериная. Пирр тренировался всю жизнь, это вам не офисный планктон. Я чувствовал каждый мускул, каждое сухожилие. Это тело умело убивать. И память Пирра умела убивать — мечом, копьем, кинжалом, голыми руками.

А моя память умела убивать и по-другому. Автомат, снайперка, гранатомет. Минометы. БПЛА. Тактика малых групп. Засады. Диверсии. Подрывное дело.

Если соединить это...

Я усмехнулся.

Римляне, вы даже не знаете, что на вас идет.

Я лег на спину, закрыл глаза. Голова гудела, но мысли были ясные, как бетон.

Первое — не спалиться. Никто не должен знать, что царь Пирр — уже не совсем Пирр. Для них я — прежний. Огненный, бешеный, бесстрашный.

Второе — армия. Нужно оценить, что осталось от войска. Сколько бойцов, какое оружие, какая дисциплина. И нужно срочно менять тактику. Римляне сильны в лобовых столкно-

вениях? Значит, не давать им любовых. Биты оттуда, откуда не ждут. Ночью. Из засад. Резать обозы, жечь склады, убивать командиров.

Третье — союзники. Тарент, греческие города Италии, самниты, луканы — все они ненавидят Рим. Их можно поднять. Можно создать коалицию. Но для этого нужно не выглядеть чокнутым.

Четвертое — оружие. Порох. Я не химик, но базовые вещи помню. Селитра, сера, уголь. Смешать в правильной пропорции. Если найду мастеров, которые смогут отлить стволы...

Я заснул, не договорив мысль.

Снилась Рязань. Снег, казарма, запах махорки. А потом снились горы Эпира и рев слонов.

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо.

— Царь! Царь, проснись!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Киней. Лицо бледное, встревоженное.

— Что?

— Гонцы из города. Римляне... они не бежали. Они собирают новую армию. Два консула, восемь легионов. Идут на нас.

Я сел.

— Когда будут?

— Через неделю. Может, раньше.

Я усмехнулся. Восемь легионов. Это тысяч сорок, если не больше. Против моего войска — тысяч пятнадцать, израненных, уставших.

— Киней, — сказал я. — Зови командиров. Всех. Через час.

— Что ты задумал?

— Я же сказал. Идем на Рим.

Киней открыл рот, чтобы возразить, но я поднял руку.

— Не спорь. Иди.

Он вышел.

Я встал. Голова кружилась, ноги подкашивались, но я устоял. Подошел к стене, снял доспехи. Кожаные, тяжелые, пахнут потом и кровью. Потрогал меч. Пальцы сами нашли рукоять, сжали. Память Пирра подсказала — хороший меч, спартанский, острее бритвы.

Я посмотрел на свое отражение в бронзовом щите.

Из щита на меня смотрел чужой человек. Лет тридцати пяти, рыжий, бородатый, со шрамом на скуле. Глаза — серые, холодные, мои.

— Ну что, Пирр, — сказал я своему отражению. — Внук Ахилла, мать твою. Сын спецназа. Покажем этим римлянам, что такое настоящая война?

Отражение молчало.

Я улыбнулся.

— То-то же.

Глава 2

Рим.

Я вышел во двор.

Голова гудела, но держаться прямо я мог. Кожаные доспехи непривычно давили на плечи — бронезилет роднее был. Меч на поясе болтался, цеплялся за ногу. Придется привыкать.

Дом Милона оказался богатой виллой в греческом стиле — внутренний дворик, колонны, фонтан посередине. Только фонтан не работал, и в портиках сидели воины. Мои воины.

Они вскакивали, когда я проходил. Сначала не верили глазам, потом лица расплывались в улыбках, руки тянулись, чтобы коснуться края плаща. Царь жив. Царь идет.

— Пирр! — крикнул кто-то. — Пирр!

Я поднял руку, кивнул. Старался улыбаться, как улыбался бы настоящий Пирр — широко, бесшабашно, с огоньком. Получалось хреново. Внутри сидел холодный расчет и дикое напряжение.

Во дворе, под навесом, собрались командиры. Киней их уже оповестил. Человек десять — кто в доспехах, кто просто в хитонах, с мечами на поясе. Все при оружии, все с лицами, обветренными походами.

Киней стоял чуть в стороне, наблюдал.

Я подошел, остановился. Окинул взглядом.

— Рад видеть вас живыми, — сказал я на греческом.

Память Пирра подсказывала, кто есть кто. Я пробежал по лицам, сопоставляя с воспоминаниями.

Мегакл — родственник, дальний, но доверенный. Командует отрядом гетайров, царской конницы. Молодой, горячий, наглый. Сейчас стоял, скрестив руки на груди, и смотрел с вызовом.

Леоннат — старый вояка, командовал пехотой. Лысый, кривой на один глаз, в шрамах. Опирался на копье — вчера тоже досталось, ногу зацепили.

Никомах — начальник слонов. Самый экзотичный тип в компании. Худой, жилистый, вечно пропахший навозом и

какой-то дрянью, которой мазали слоновью кожу. Смотрел на меня с тревогой — слоны без царя нервничали.

Алкет — еще один родственник, но с ним Пирр всегда был настороже. Слишком хитрый, слишком тихий. Стоял в тени колонны, улыбался.

Кратер — командир легкой пехоты, критяне и этолийцы. Молчаливый, злой, с луком за спиной.

И еще несколько — имена всплывали в голове, но не цеплялись. Второстепенные, для массовки.

Мегакл шагнул вперед.

— Царь, мы слышали, ты хочешь вести нас на Рим. Сразу. Без отдыха.

Голос наглый, почти вызывающий. Я помнил из памяти Пирра — этот вечно лез поперед батьки. Молодость, горячая кровь, желание выслужиться.

— Хочу, — сказал я.

— Это безумие.

— Это война.

Мегакл усмехнулся.

— Мы только что выиграли битву. Люди устали. Раненых — треть армии. У нас нет припасов на дальний поход. Рим в трехстах стадиях отсюда, и по дороге — города, которые нас не ждут.

Я кивнул. Разумно.

— Ты прав, Мегакл. У нас нет припасов.

Он удивленно моргнул. Не ожидал, что царь согласится.

— Но они есть у римлян.

Наступила тишина.

Леоннат кашлянул.

— Царь, ты хочешь сказать... мы пойдем на Рим без обоза? Будем кормиться с земли?

— С римской земли, — поправил я. — Там, где прошли римские легионы, земля чиста. Они все сожрали подчистую,

готовясь к войне. А теперь их армия разбита и бежит. Обозы, склады, запасы — все это осталось без защиты.

Я говорил и сам удивлялся, откуда это во мне. Логистика. В училище нас учили: противник всегда обеспечит тебя боекомплектom, если ты умеешь его отжать.

— Римляне бегут, — продолжал я. — Они бросают раненых, бросают припасы, бросают все, что мешает бежать. Если мы пойдем быстро — догоним, добьем, возьмем их склады. Если пойдем медленно — они очухаются, соберут новое войско, и тогда мы получим вторую такую же битву, как при Гераклее. Вы этого хотите?

Леоннат покачал головой.

— Нет, царь. Но люди... люди хотят пировать. Они заслужили.

— Получат. В Риме.

Никомах, начальник слонов, подал голос:

— Царь, слоны устали. Им нужен отдых, корм, вода. Если мы погоним их дальше без остановки, они взбесятся.

Я посмотрел на него. В памяти Пирра всплыло: слоны — главное оружие. Их боятся, как огня. Но они же и главная головная боль — жрут как не в себя,дохнут от любой болячки, пугаются громких звуков.

— Сколько у нас слонов? — спросил я.

— Тридцать, — ответил Никомах. — Двадцать восемь боевых, два помета — молодые, еще не обучены.

— Сколько ранены?

— Четверо легко, один тяжело — копьем под брюхо достали. Если не сдохнет за три дня, выживет.

Я прикинул. Двадцать восемь боевых слонов — это сила. В лобовом бою они сминают любую пехоту. Но тащить их на Рим... Рим — город на холмах. Узкие улицы. Слоны там застрянут, их перебьют с крыш дротиками.

— Слоны останутся здесь, — сказал я.

Никомах открыл рот.

— Царь...

— Слоны — для поля, — перебил я. — Для осады города они бесполезны. Здесь, в Таренте, они будут в безопасности. Ими прикроешь город, если римляне пошлют обходной отряд.

Никомах хотел возразить, но я поднял руку.

— Решено.

Он заткнулся, но вид имел обиженный.

Мегакл снова шагнул вперед.

— Царь, допустим, мы идем без слонов, без обоза, налегке. Как мы возьмем Рим? Стены у них крепкие, ворота железные, народу полно. Мы даже не знаем, как они расположены.

— Я знаю, — сказал я.

Все уставились на меня.

Я понял, что сморозил глупость. Откуда Пирру знать планировку Рима? Он там никогда не был.

— Лазутчики донесли, — поправился я. — Еще до битвы.

Я посылал людей.

Киней смотрел на меня с подозрением. Но промолчал.

— Рим стоит на семи холмах, — продолжал я, выуживая из памяти школьный курс истории. — Капитолий — главный, там крепость. Палатин — где живут богатые. Эсквилин, Квиринал, Виминал — там простой народ. Стены — серые каменные, высотой локтей в двадцать. Ворота — трое с южной стороны, двое с северной, одни с востока.

Я говорил и сам удивлялся — откуда это? В школе проходили? В институте? Или просто нахватался из книжек, когда Пирром интересовался?

Командиры слушали, открыв рты.

— Откуда ты... — начал Леоннат.

— Я царь, — оборвал я. — Мое дело — знать.

Мегакл смотрел на меня по-новому. Наглости в глазах прибавилось.

— Допустим, ты знаешь, где ворота, — сказал он тише. — Но как их открыть? Стены не взять без осадных машин,

а их у нас нет.

— Возьмем, — сказал я.

— Чем?

— Хитростью.

Я замолчал, собираясь с мыслями. В голове крутились обрывки тактик из другой жизни. Штурм Грозного. Битва за Марьинку. Как наши брали укрепрайоны, когда, казалось, взять невозможно.

— Римляне сейчас в панике, — сказал я. — Их армия разбита, консул бежит, войска деморализованы. Город, наверняка, заполнен беженцами, ранеными, паникерами. Стража у ворот есть, но они не ждут нападения так быстро. Они думают, мы будем праздновать победу, делить добычу, хоронить мертвых.

Я обвел взглядом командиров.

— Мы не будем.

Мегакл качнулся, будто его ударили.

— Ты хочешь идти ночью?

— Да.

— Это безумие! Ночью воины не видят, строя нет, команды не слышны...

— А враг спит, — перебил я. — Или пьян. Или трахает жен, празднуя, что война кончилась. Когда они меньше всего ждут — тогда и надо бить.

Кратер, молчаливый командир критян, вдруг подал голос:

— Я могу провести. Мои люди видят в темноте, как кошки.

Все повернулись к нему. Кратер вообще редко говорил, а тут сам вызвался.

— Хорошо, — сказал я. — Твои люди пойдут первыми. Снимут часовых у ворот.

— А ворота? — спросил Леоннат. — Они железные. Петли — в толщину руки. Засовы — дубовые бревна. Их голыми руками не открыть.

— Откроем, — сказал я. — Таран нужен?

— Нужен.

— Сделаем.

— Из чего? В чистом поле?

Я посмотрел на него.

— Леоннат, ты когда-нибудь видел, как рубят дерево?

— Я воин, а не лесоруб, — огрызнулся он.

— Придется стать лесорубом. По дороге к Риму леса есть?

— Есть, — ответил Кратер. — За Тускулом. Дубы, буки. До Рима оттуда полдня пути.

— Значит, на рассвете второго дня рубим дерево, делаем таран, к вечеру подходим к Риму, ночью штурмуем.

Командиры переглядывались.

— Царь, — осторожно начал Алкет, тот, хитрый, из тени.

— А если у них стены усилены? Если они выставят дозоры

за городом? Если нас встретят свежие войска?

— Значит, будем драться, — ответил я. — Другого пути нет. Мы не можем сидеть здесь и ждать, пока Рим соберет новую армию. У них людей — как муравьев. Каждый италик, каждый латин, каждый сабинян поднимет меч, если мы дадим время. А у нас — горстка. Мы должны ударить сейчас, пока они в шоке.

Я сделал паузу.

— Или вы хотите второй Гераклеи? Снова потерять пять тысяч?

Леоннат опустил голову.

— Не хотим.

— Тогда делаем, как я сказал.

Наступила тишина. Командиры смотрели на меня, и в их глазах я видел не только прежнюю преданность. Там было что-то новое. Уважение? Страх? Недоверие?

Киней шагнул вперед.

— Царь, позволь слово.

— Говори.

— Ты прав в одном: мешкать нельзя. Римляне соберут новую армию, и тогда нам конец. Но то, что ты предлагаешь... это даже не дерзость. Это безумие. Ночной штурм города, которого мы не знаем, с людьми, которые устали, без осадных машин, без запасов... Если что-то пойдет не так — мы все ляжем под стенами. Все до одного.

— А если мы останемся здесь — мы ляжем через месяц,
— ответил я. — Когда римляне приведут сорок тысяч свежих легионеров.

Киней вздохнул.

— Ты уверен?

— Да.

Он посмотрел мне в глаза. Долго, пристально. Потом кивнул.

— Хорошо. Я с тобой.

Мегакл вдруг шагнул вперед и опустился на одно колено.

— Царь... прости, что усомнился. Я думал... я думал, удар по голове повредил твой разум. Но теперь вижу — ты видишь то, чего не видим мы. Это боги говорят с тобой. Сам Арес ведет тебя.

Я усмехнулся про себя. Арес, бог войны. Хорошее прикрытие.

— Встань, Мегакл. Ты прав был, когда сомневался. Царю нужны не льстецы, а те, кто говорит правду. Даже если правда горькая.

Он встал, и в глазах его горело обожание. Молодой, горячий, ему нужен был герой. Он его получил.

Остальные командиры тоже как-то расслабились. Леоннат кивнул, Кратер ухмыльнулся в бороду, даже Алкет перестал улыбаться и смотрел серьезно.

— По коням, — сказал я. — Готовьте людей. Выступаем на закате.

— Царь, — сказал Никомах, начальник слонов. — А мне что делать?

— Ты остаешься в Таренте. Слоны — наша последняя надежда, если римляне пойдут в обход. Укрепи город, поставь слонов на площадях, чтобы все видели. Пусть тарентинцы знают — мы их не бросили.

Никомах расправил плечи.

— Сделаю, царь.

Я повернулся и пошел обратно в дом. За спиной слышался гомон — командиры заговорили все разом, обсуждая, споря, договариваясь.

Киней догнал меня в коридоре.

— Царь.

Я остановился.

— Что?

— Ты действительно изменился. Раньше ты... ты бы спорил с ними. Кричал бы, топал ногами, доказывал. А сейчас... сейчас ты просто сказал — и они согласились.

— Хорошо, что согласились.

— Хорошо. Но я не пойму: откуда это в тебе? Удар по голове не делает человека мудрым.

Я посмотрел на него.

— Киней, ты веришь в богов?

Он удивился.

— Я грек. Конечно, верю.

— А в то, что боги могут говорить с человеком?

— Верю. Оракулы, пророчества...

— Так вот. Когда я упал и ударился головой, я видел свет. И в этом свете мне явился... скажем так, некто.

Киней замер.

— Кто?

Я усмехнулся.

— Тот, кого называют по-разному. Арес. Эниалий. Просто — Война.

Киней побледнел.

— Ты видел бога?

— Не знаю, видел или нет. Но я знаю, что теперь я вижу то, чего не видел раньше. Битву не как схватку, а как... как доску для игры. Где каждый ход ведет к победе или смерти.

Он долго молчал. Потом перекрестился — по-своему, по-гречески, коснувшись губ, лба и груди.

— Царь... это великая честь. И великая опасность. Боги не просто так являются людям.

— Знаю. Но выбора у меня нет. Римляне сами выбрали свою судьбу, когда напали на Тарент.

Киней кивнул и ушел.

Я остался один в полутемном коридоре.

— Арес, — прошептал я по-русски. — Ну да, Арес. Боги войны. Лишь бы не подвести.

До заката оставалось часа четыре. Я вернулся в комнату, сел на шкуры, закрыл глаза.

Надо было систематизировать.

Память Пирра — это как жесткий диск, подключенный параллельно. Я мог в любой момент вытащить оттуда имя, факт, воспоминание, но иногда они всплывали сами, без спроса. Сейчас я попытался вызвать их сознательно.

Армия.

Общая численность — около двадцати пяти тысяч. После битвы при Гераклее — около двадцати. Четыре-пять тысяч убитыми, ранеными — еще тысячи три, но легко раненые пойдут, если заставить.

Состав:

- Эпирская фаланга — восемь тысяч. Тяжелая пехота, сариссы (длинные копья), бронзовые доспехи. Костяк армии.
- Фессалийская конница — две тысячи. Тяжелая, ударная. Мегакл командует.

· Этолийцы и критяне — три тысячи. Легкая пехота, пращники, лучники. Кратер.

· Наемники — иллирийцы, фракийцы — тысячи две. Дикие, злые, дерутся за деньги.

· Союзники из Тарента и греческих городов — около пяти тысяч. Ополчение, ненадежное, но для гарнизонной службы сгодится.

Из двадцати тысяч боеспособных — тысяч пятнадцать. Остальные ранены или убиты.

И это все, что у меня есть против Рима.

Восемь легионов — это сорок тысяч. Плюс союзники, плюс ополчение города. Итого — тысяч шестьдесят, если мобилизуют всех.

Шансов нет.

Но в том-то и дело, что они не мобилизуют всех сразу. Легионы разбиты, консул бежит, связь нарушена. Пройдет неделя-две, пока они соберут новую армию. А за неделю можно многое успеть.

Например, взять Рим.

Я усмехнулся. Звучало безумно даже для меня. Осада Рима с пятнадцатью тысячами, без осадных машин, без припасов. Если бы мне кто сказал такое на СВО — послал бы в далекие дали.

Но там — другое время, другие войны. Там дроны, артиллерия, спутниковая разведка. А здесь — мечи и копья. Здесь дерзость и скорость решают больше, чем число.

Я вспомнил, как наши брали Пальмиру. Как шли ночью, без света, без поддержки, только автоматы и гранатометы. И брали. Потому что враг не ждал.

Почему бы не попробовать здесь?

Я встал, подошел к столу, налил воды из кувшина. Вода была теплая, противная, но пить хотелось.

В дверь постучали.

— Войдите.

Вошел Кратер. Один, без охраны.

— Царь, можно?

— Заходи.

Он вошел, остановился у порога. Молчал.

— Говори.

— Царь, я насчет ночного перехода. Мои люди знают дорогу, но есть одна проблема.

— Какая?

— Река. Тибр. Она течет через Рим, но подойти к городу можно только с юга, через мост. Мост охраняется. Если римляне его сожгут или хотя бы выставят стражу — мы не переправимся.

Я нахмурился.

— А броды?

— Есть выше по течению. Но там топко, и в темноте легко увязнуть. Если пойдем вброд, потеряем время, людей, оружие.

Я задумался. В моей памяти всплыло: римляне строили мосты, но в те времена Тибр был полноводнее. Броды... воз-

можно, Кратер прав.

— Другой путь есть?

Кратер помолчал.

— Можно подойти с севера. Там ворота поменьше, но дорога длиннее. Если идти форсированно — сутки лишних.

— Не пойдет. За сутки они опомнятся.

Я ходил по комнате, пытаюсь вспомнить карту древнего Рима. В школе учили, потом в институте на истории — что-то осталось. Семь холмов, Тибр, мост Сублициев...

— Мост, — сказал я. — Сублициев мост. Он деревянный?

Кратер удивленно поднял бровь.

— Ты знаешь названия мостов?

— Я царь.

— Ну да... Сублициев — деревянный. Самый старый. Его охраняют, но не сильно. Там обычно стоят ветераны, инвалиды, которые уже не могут воевать в поле.

— А если мы подойдем с юга, не к мосту, а чуть ниже? Там есть остров?

Кратер задумался.

— Тиберина? Есть. Небольшой. Там храм Эскулапа. От него до города — переправа на лодках.

Я остановился.

— Лодки. У них есть лодки?

— Рыбацкие. Много.

— Значит, берем лодки, переправляемся на остров, с острова — в город. Мост обходим.

Кратер смотрел на меня с уважением.

— Царь... откуда ты знаешь про остров?

— Читал.

— Ты читаешь? — удивился он. — Я думал, цари только воюют.

Я усмехнулся.

— Воюют тоже. Но читать полезно.

Кратер кивнул.

— Я проверю, когда подойдем. Если лодки есть — переправимся за час. Если нет — придется штурмовать мост.

— Договорились. Иди, готовь людей.

Кратер вышел.

Я остался один. В голове прокручивался план. Ночной марш, захват переправы, проникновение в город. Дальше — уличные бои. Это я знал лучше всего. Город — моя стихия. Грозный, Мариуполь, Бахмут — везде одно и то же. Дом за домом, подъезд за подъездом. Противник, который не видит тебя, пока ты не выстрелишь.

Римляне не привыкли к городским боям. Они воюют в поле, строем, честно. А здесь придется драться в грязи, в темноте, на узких улицах, где строй рассыпается и каждый сам за себя.

У них нет опыта.

У меня есть.

За час до заката я вышел во двор.

Войско строилось. Прямо на улицах Тарента, между домов, выстраивались отряды. Эпирская фаланга — тяжелые, закованные в бронзу, с длинными копьями. Фессалийская конница — на лошадях, но лошадей пока не седлали, поведут в поводу. Легкая пехота — лучники, пращники, метатели дротиков.

Люди смотрели на меня. Кто-то с надеждой, кто-то с испугом, кто-то с любопытством.

Я влез на каменную тумбу у ворот, чтобы все видели.

— Воины!

Гомон стих.

— Вы только что разбили римлян при Гераклее! Вы гнали их, как зайцев! Вы взяли их лагерь, их знамена, их консула

чуть не взяли в плен!

Крики одобрения.

— Но это еще не конец! Римляне бегут, но они не сдались. Они собирают новое войско, чтобы снова напасть на нас. Если мы дадим им время — они придут сюда, в Тарент, и сожгут этот город. Сожгут ваших жен, ваших детей, ваших стариков!

Тишина.

— Я не хочу этого ждать! Я не хочу сидеть здесь и гадать, когда они явятся. Я хочу пойти к ним самим. Прямо сейчас. И взять их город, пока они не опомнились!

Кто-то выкрикнул:

— А как же добыча?!

— Добыча будет! — крикнул я. — В Риме золота больше, чем во всей Греции. Храмы, полные даров, дома богачей, полные добра. И женщины — римские женщины, которые еще не видели настоящих мужчин!

Засмеялись. Хорошо.

— Но сначала — переход. Тяжелый, быстрый, без остановок. Мы пойдем всю ночь и весь завтрашний день. Кто устанет — того потащат товарищи. Кто отстанет — тот останется под стенами Рима кормить воронов. Вы готовы?

— Готовы! — заорали нестройно.

— Я не слышу!

— ГОТОВЫ!

— Тогда — с богом! Арес с нами!

Крики, лязг оружия, топот.

Я спрыгнул с тумбы. Ко мне подошел Киней.

— Хорошо говоришь, царь. Как Демосфен.

— Я не оратор, — сказал я. — Я воин.

— Воины так не говорят.

Я посмотрел на него.

— Этот воин говорит.

Киней усмехнулся.

— Ну, пошли. Время.

Мы выступили на закате.

Город провожал нас факелами. Тарентинцы высыпали на стены, на крыши, на улицы. Кричали, махали, бросали цветы — ну, не цветы, траву какую-то, но суть та же. Женщины плакали, мужчины желали удачи.

Я ехал на коне впереди колонны. Рядом — Мегакл, Кра-тер, Леоннат. Киней остался в Таренте — договариваться с союзниками и готовить оборону на случай, если мы не вернемся.

Конь подо мной был злой, горячий. Память Пирра подсказывала — это Буцефал, ну не тот, македонский, а его потомок, подарок от какого-то селевкидского царя. Конь и правда был хорош — вороной, с белой звездой во лбу, косил глазом, норовил укусить.

Я приноровился к нему быстро. Два сознания помогали — одно помнило, как управлять лошадью, второе — как не бояться.

Дорога уходила на север, в темноту.

Италия встретила нас тишиной. Поля, оливковые рощи, редкие деревни. В деревнях горели огни, лаяли собаки, но люди не выходили. Боялись.

Правильно боялись. По их земле шла армия, которая только что разбила римлян. Кто знает, что у этих эпиротов на уме?

Я старался, чтобы грабежей не было. Отдал приказ: тронешь местного — голову сниму. Воины ворчали, но подчинялись. Пока.

Где-то в полночь мы сделали первый привал. Всего на час — дать людям перевести дух и перемотать ноги.

Я слез с коня, присел у дороги. Рядом упал Кратер.

— Царь, впереди речушка. Местные говорят, через нее брод. Вброд перейдем или мост искать?

— Вброд. Время дороже.

— Люди промокнут.

— Лето. Высохнут.

Кратер кивнул и исчез в темноте.

Я сидел и смотрел на звезды. Они были другие. Не те, что над Донбассом. Ярче, крупнее, и Млечный Путь — как молоко разлитое.

На СВО я тоже часто смотрел в небо. Ждал, когда прилетит «птичка» или, наоборот, радовался, что наша авиация работает. А здесь тихо. Только цикады стрекочут да где-то вдалеке воют волки.

Странно. Война, а тихо.

Через час двинулись дальше.

Перед рассветом мы перешли вброд какую-то речушку. Вода была холодная, по пояс, но люди не жаловались. Шли молча, только хлопало да позвякивало оружие.

На рассвете Кратер подъехал ко мне.

— Царь, впереди город. Тускул. Там римский гарнизон, небольшой. Обходить или брать?

— Сколько?

— Тысячи две. Ополчение, старики да молодежь. Легионеров почти нет.

— Обходить. Нам не нужен бой сейчас. Главное — скорость.

— Если они нас увидят и пошлют гонца в Рим?

— Значит, нужно, чтобы не увидели.

Я подозвал Мегакла.

— Возьми конницу, обойди город с запада. Кратер поведет пехоту лесом. Встретимся за Тускулом, у дубовой роши, где будем рубить таран.

Мегакл кивнул и ускакал.

Колонна разделилась. Я остался с пехотой, мы ушли в лес.

Лес был густой, дубовый, с подлеском. Ветки хлестали по лицу, но это лучше, чем открытое поле. В лесу нас никто не увидит.

Часа через три мы вышли к роще. Мегакл уже был там — его конница обошла Тускул без проблем.

— Никто нас не видел, — доложил он. — Город спит. Даже дозорные на стенах дремлют.

— Хорошо.

Я оглядел рощу. Дубы стояли вековые, в три обхвата. Из такого дуба получится таран — любой ворота вынесет.

— Рубить! — скомандовал я. — Самые толстые. И поживее!

Воины замахали топорами. Кто-то принес пилы — у кри-тян нашлись. Работа закипела.

Я отошел в сторону, сел на пень. В голове прокручивал дальнейшие действия. К вечеру подойдем к Риму. Ночью — штурм. Лодки, переправа, захват ворот. Потом — уличные бои.

В уличных боях я шарил. Но здесь — мечи, копья, никаких гранат. Придется импровизировать.

Ко мне подошел Кратер.

— Царь, а если лодок не будет?

— Будут.

— Откуда ты знаешь?

— Рыбаки всегда есть. А если нет — придется плыть.

— Люди плавать не умеют. Эпироты — горцы, они воды боятся.

Я выругался про себя.

— Тогда штурмуем мост. Но это хуже.

— Почему?

— Мост узкий. Нас встретят горсткой, а мы не сможем развернуться. Потеряем много людей.

Кратер кивнул.

— Значит, лодки.

— Значит, лодки.

К полудню таран был готов. Огромное бревно, длиной локтей в тридцать, с железным наконечником, который наспех приладили кузнецы из обозных. Неказисто, но тяжело.

— Понесут двадцать человек, — сказал Леоннат. — Сменяться будут каждые сто шагов.

— Двадцать — мало. Сорок. Чтобы бегом могли.

— Бегом? С таким бревном?

— Бегом. Когда подойдем к воротам, нужна скорость.

Леоннат покачал головой, но спорить не стал.

Воины пообедали — сухими лепешками, сыром, водой. Никто не жаловался. Дисциплина держалась.

Я посмотрел на небо. Солнце клонилось к западу. Часа

через три стемнеет.

— Выступаем, — сказал я.

Дорога к Риму шла через холмы. Кратер вел, как обещал — напрямик, без объездов. Местами приходилось карабкаться по склонам, тащить коней в поводу, толкать таран на руках. Люди выматывались, но шли.

Я ехал в середине колонны, подбадривал, где мог, подгонял, где надо.

Где-то на закате мы вышли на гребень холма, и Кратер тронул меня за руку.

— Смотри.

Внизу, в долине, раскинулся Рим.

Я вглядывался в сумерки, пытаюсь разглядеть. Город был большой. Гораздо больше, чем я ожидал. Холмы, увенчанные храмами, стены — серые, массивные, уходящие в темноту. Огни — там, где жилые кварталы, там, где рынки. И тишина.

— Не ждут, — прошептал Мегакл.

— Пока не ждут, — поправил я. — Кратер, где остров?

— Вон там. — Он показал рукой. — За изгибом реки. Видишь, огонек?

Я присмотрелся. Действительно, на реке светился огонек. Лодка? Факел?

— Лодки есть?

— Должны быть.

— Тогда пошли. Осторожно, без шума.

Мы спустились с холма и двинулись к реке.

Тибр был широким, мутным, с илистыми берегами. Пахло тиной, рыбой, еще чем-то гнилым. У берега действительно стояли лодки — десятка два рыбацких долбленок.

— Бери, — сказал я Кратеру. — Переправляй своих. Как переправитесь — ждите нас на том берегу. Если кто заметит — снимайте без шума.

Кратер кивнул и скользнул к лодкам.

Мы замерли в кустах, наблюдая.

Критяне работали тихо, как кошки. Лодки отвязывали, сталкивали на воду, гребли без плеска. Одна, вторая, третья...

На том берегу тоже было тихо. Лишь где-то лаяла собака да перекликались ночные сторожа.

Через полчаса Кратер вернулся.

— Готово, царь. Тот берег чист. Есть тропа к городу, прямо к Капенским воротам.

— Хорошо. Теперь переправляй всех.

Переправа заняла еще час. Тысячи людей, лошади, таран — все это нужно было перевезти на утлых лодчонках. Лошадей пугали, они ржали, били копытами, но критяне умели с ними обращаться. Таран привязали к двум лодкам и переправили на буксире.

К полуночи весь отряд был на том берегу.

Я собрал командиров.

— Значит так. Кратер идет первым — снимает часовых у ворот. Как снимет — мы подкатываем таран и выбиваем ворота. Внутри — Мегакл с конницей давит всех, кто попытается сопротивляться. Леоннат — пехотой зачищаешь улицы к Капитолию. Главное — не дать им организовать оборону.

— А ты, царь? — спросил Мегакл.

— Я буду там, где труднее. Если встретят — подойду.

Командиры кивнули и разошлись.

Мы двинулись к городу.

Рим спал.

Спал крепко, беспечно, как спят победители, уверенные, что враг далеко. В окнах не горел свет, на стенах не ходили дозорные — только у ворот теплился факел и маячила фигура часового.

Кратер ушел вперед. Я видел, как его люди скользят в тени, прижимаясь к стенам, как замирают, когда часовой по-

ворачивается, как снова движутся.

Минута, другая.

Часовой вдруг дернулся и осел. Кто-то подхватил факел, чтобы не упал.

Кратер махнул рукой.

— Таран! — скомандовал я.

Сорок человек рванули с бревном наперевес. Ударили в ворота.

Грохот разнесся по всей округе. Ворота дрогнули, но устояли.

— Еще!

Второй удар. Третий. Четвертый.

Ворота затрещали, полетели щепки, и на пятом ударе створки рухнули внутрь.

— Вперед! — заорал я.

Конница Мегакла ворвалась в пролом. За ней — пехота.

Рим проснулся.

Зажглись огни, закричали женщины, залаяли собаки, где-то забили тревогу в колокол. На улицы выскакивали полуодетые люди, хватались за оружие — и падали под копытами фессалийцев.

Мы ворвались в город, как нож в масло.

Я скакал впереди, с мечом в руке. Память Пирра управляла телом, мое сознание выбирало цели. Направо — группа легионеров строится? Мегакл, дави их! Налево — лучники на крыше? Кратер, сними!

Бой кипел на каждой улице. Римляне сопротивлялись отчаянно, но врасплох их застали, без оружия, без доспехов, без строя. Они дрались, чем могли — кухонными ножами, дубинами, камнями. Но против закованной в бронзу конницы у них не было шансов.

Мы пробивались к центру.

Где-то на рассвете я выехал на форум.

Площадь была пуста. Только статуи богов смотрели на меня каменными глазами да вороны кружили над храмом.

Ко мне подъехал Мегакл. Забрызганный кровью, с безумными глазами.

— Царь! Мы взяли!

— Капитолий?

— Осадили. Там засели старики и жрецы. Сдаваться не хотят.

— Пусть сидят. Главное — город наш.

Подъехал Кратер.

— Царь, потери небольшие. Человек триста. Римлян — тысячи три положили, остальные разбежались или попрятались.

Я кивнул.

— Оцепить город. Никого не выпускать. Всех, кто с оружием — к предкам. Женщин и детей не трогать. Грабеж — только по моему приказу.

— А добыча? — спросил Мегакл.

— Будет. Но сначала — порядок.

Я слез с коня и опустился на камень у храма.

В груди горело, голова кружилась, руки дрожали.

Я взял Рим.

Я, лейтенант спецназа, позывной «Пирр», взял Вечный город за одну ночь.

— Мать твою, — прошептал я по-русски. — Мать твою...

Ко мне подошел Леоннат, хромая на раненую ногу.

— Царь, в сенате заседают. Там эти... как их... отцы города. Требуют переговоров.

— Пусть подождут.

— Но они...

— Пусть подождут, я сказал.

Леоннат отошел.

Я сидел и смотрел, как над Римом встает солнце.

Через час я вошел в сенат.

Здание было старым, прокуренным, с деревянными скамьями и статуями предков по стенам. На скамьях сидели старики в белых тогах. Смотрели на меня с ненавистью и страхом.

Я остановился в центре, опершись на меч.

— Кто тут главный?

Один из стариков поднялся. Высокий, лысый, с орлиным носом.

— Я, Луций Корнелий Сципион, консуляр, говорю от имени сената и народа Рима.

— Говори.

— Ты нарушил все законы войны. Ты напал ночью, без объявления, на спящий город. Ты убивал мирных граждан. Ты...

— Стоп, — перебил я. — Я царь Пирр Эпирский. Ваши легионы напали на Тарент, союзный мне город. Я пришел защитить союзников. Это называется война. На войне как на войне.

Сципион побагровел.

— Ты варвар! Ты...

— Я потомок Ахилла, — сказал я. — Ахилл, как известно, Троя взял. И вас возьму.

В сенате зашумели.

Я поднял руку.

— Тишина.

Шум стих.

— Условия такие. Рим признает себя побежденным. Выплачивает контрибуцию — тысяча талантов золотом. Выдает

заложников — сто знатных юношей. Отказывается от всех притязаний на греческие города Италии. И признает меня царем Запада.

Сципион побледнел.

— Это... это невысказано. Сенат никогда...

— Сенат сделает, как я скажу. Или я вырежу половину Рима, а вторую продам в рабство. Выбирайте.

Тишина.

Другой старик, толстый, с красным лицом, вскочил:

— Ты не посмеешь! У нас еще есть войска! В Этрурии стоят два легиона!

— К утру их не будет, — сказал я. — Моя конница уже вышла.

Он сел.

Сципион посмотрел на меня долгим взглядом.

— Кто ты, Пирр? Раньше о тебе говорили как о храбром

воине, но безумном царе. Теперь... теперь я вижу перед собой совсем другого человека.

— Я тот же, — сказал я. — Просто удар по голове пошел на пользу.

Он не понял, но кивнул.

— Мы обсудим твои условия. Дай нам время.

— До заката. Если к закату не будет ответа — я начну резню.

Я развернулся и вышел.

На улице меня ждал Киней. Он прискакал из Тарента ночью, как только узнал, что мы взяли город.

— Царь, — сказал он тихо, — это чудо. Никто не верил, а ты сделал.

— Боги помогли.

— Какие боги?

— Арес. И Ахилл.

Киней покачал головой.

— Ты действительно изменился.

— Я стал тем, кем должен был стать.

Мы пошли по улице. Римляне жались к стенам, провожая нас ненавидящими взглядами. Воины Пирра патрулировали перекрестки, тащили добычу, гнали пленных.

Война продолжалась.

Но главное было сделано.

Я взял Рим.

Вернувшись в дом, который занял под резиденцию (чей-то богатый особняк, хозяева сбежали), я рухнул на ложе.

Тело гудело, глаза слипались.

Киней сел напротив.

— Царь, можно спросить?

— Спрашивай.

— Откуда ты знал? Про остров, про лодки, про ворота?
Ты же никогда не был в Риме.

Я посмотрел на него.

— Я видел во сне.

— Во сне?

— Боги показали.

Киней помолчал.

— Ты правда веришь, что с тобой говорят боги?

— А ты веришь, что я сам это придумал?

Он покачал головой.

— Не знаю. Но то, что ты сделал сегодня... это не человеческий ум. Это действительно похоже на вмешательство свыше.

— Вот и хорошо. Пусть все так и думают.

Киней встал.

— Отдыхай, царь. Завтра будет трудный день. Сенат будет торговаться.

— Пусть торгуются. Я свое возьму.

Он вышел.

Я закрыл глаза.

Перед глазами стояла картина: Рим в огне, трупы на улицах, бегущие люди. И странное чувство — не вина, нет. Удовлетворение. Я сделал это. Я победил.

Но внутри, где-то глубоко, шевелился холодок.

Слишком легко. Слишком гладко. Слишком похоже на сон.

А вдруг это и есть сон? Вдруг я сейчас открою глаза — и окажусь в госпитале, без рук, без ног, с контузией?

Я сжал кулак. Ногти впились в ладонь. Больно.

Значит, не сон.

Значит, реальность.

Я уснул.

И во сне мне явился Ахилл.

Он стоял на фоне горящей Трои — высокий, золотоволосый, в доспехах, которые горели, как солнце. Смотрел на меня.

— Ты хорошо начал, внук, — сказал он.

— Я не внук, — ответил я. — Я чужой.

— Для меня все вы — внуки. Воины. Те, кто берет меч и идет до конца.

— Я не твой родственник.

— Родство не в крови, — сказал Ахилл. — Родство в делах. Ты сделал то, что должен был сделать я, когда пришел под Трою. Ты взял город врага и не пожалел никого.

— Я пожалел. Я не стал резать всех.

— Зря, — усмехнулся Ахилл. — Их надо резать под корень. Иначе они вырастут снова и убьют твоих детей.

— Я не хочу резать детей.

— Значит, ты не я.

Он исчез.

Я проснулся.

За окном светало. Рим просыпался под властью нового хозяина.

Я встал, подошел к окну, посмотрел на город.

— Ладно, Ахилл, — сказал я. — Посмотрим, кто из нас прав.

Конец второй главы

Глава 3

Я стоял у окна и смотрел, как над Римом встает солнце.

Вчерашний разговор с сенатом не выходил из головы. Сципион, этот старый лис, тянул время. Я дал им до заката — они попросили еще день. Я дал. Потом еще. А сегодня утром прибежал Киней с известием: сенат отказался.

— Что значит — отказался? — спросил я, не поворачиваясь.

— Они говорят, что Рим не сдастся варварам. Что у них есть союзники в Этрурии, в Умбрии, у вольсков. Что они будут драться до последнего.

Я усмехнулся.

— Герои, блин.

— Царь, что будем делать?

Я повернулся. Киней стоял бледный, взволнованный. За его спиной маячили Мегакл и Кратер.

— То, что обещали, — сказал я. — Начинаем.

Мегакл шагнул вперед.

— Царь, ты серьезно? Резня?

— А ты думал, я шутил? Они не приняли мои условия. Значит, принимают последствия.

Кратер молчал, но в глазах его горел холодный огонь. Критяне умели убивать. Для них это работа.

— Слушайте приказ, — сказал я. — Мегакл, твоя конница перекрывает все дороги из города. Чтобы ни одна мышь не выскользнула. Кратер — твои люди идут по кварталам. Всех, у кого оружие, — убивать на месте. Женщин и детей — не трогать, сгонять на форум. Стариков — тоже туда. Потом решим, что с ними делать.

— А если будут прятаться? — спросил Кратер.

— Ищите. Дома обыскивать. Подвалы, чердаки, колодцы. Рим большой, но спрятаться не давайте.

— Пленных брать?

— Только тех, кто сдастся без боя. И то — связывать и под охрану. Остальных — к богам.

Мегакл кивнул и вышел. Кратер за ним.

Киней остался.

— Царь, это жестоко.

— Это война, Киней. Ты сам мне говорил: римляне не бегут. Их нужно убивать до последнего, иначе они убьют тебя.

— Но женщины, дети...

— С ними ничего не сделают, если будут сидеть тихо. А если выйдут с ножами — значит, не женщины, а воины.

Киней покачал головой, но спорить не стал.

Я надел доспехи, пристегнул меч и вышел на улицу.

Город уже гудел.

Крики, лязг оружия, топот ног. Горели дома — где-то за Палатином поднялся столб дыма. Визжали женщины, плакали дети, орали мужчины.

Мои воины делали свое дело.

Я прошел по улице к форуму. По пути видел трупы — римляне в тогах, в доспехах, без всего. Лежали где попало, в лужах крови. Кто-то еще шевелился — добивали на ходу.

На форуме уже собралась толпа. Женщины, дети, старики. Человек пятьсот, может, больше. Сидели на земле, прижавшись друг к другу, смотрели на воинов с ужасом.

Я подошел ближе. Толпа затихла, узнав царя.

— Слушайте меня! — крикнул я. — Ваши отцы и мужья отказались от мира. Они решили воевать. Теперь вы платите за их глупость. Но я не зверь. Тех, кто не берет оружие, я не трону. Сидите тихо — и доживете до вечера. А там посмотрим.

Какая-то женщина выкрикнула:

— Убийца! Варвар!

Я повернулся к ней. Молодая, красивая, в дорогой одежде. Патрицианка.

— Как тебя зовут?

Она побледнела, но взгляд не отвела.

— Корнелия. Жена Луция Корнелия Сципиона.

— А, жена того самого. — Я усмехнулся. — Муж твой где?

— В сенате. Умрет, но не сдастся.

— Умрет, — согласился я. — Но не сегодня. Сегодня я даю ему шанс одуматься. Если к вечеру сенат не придет с капитуляцией — твой муж умрет первым. А ты пойдешь в рабство.

Она сжала губы, но промолчала.

Я пошел дальше.

Город горел.

К полудню дым затянул небо так, что солнце стало багровым. Пахло гарью, кровью, страхом.

Мне докладывали каждый час.

— Царь, взяли Капитолий. Старики сдались, просят пощады.

— Пощады? А когда резать нас хотели, не просили? Всех под стражу.

— Царь, нашли схрон с оружием. Человек двести там сидели. Перебили всех.

— Хорошо.

— Царь, на Эсквiline бой. Там легионеры, человек триста, засели в храме. Не сдаются.

— Кратера туда. Пусть выкурит.

Бой шел весь день.

К вечеру большая часть города была в наших руках. Уцелевшие римляне сидели по домам, боясь высунуться. На улицах лежали трупы — их никто не убирал. Собаки уже начали жрать.

Я сидел в доме Сципиона (хороший дом, богатый, с мозаиками и фонтаном) и пил вино. Киней принес табличку.

— Царь, донесение от дозорных. К городу подходят какие-то отряды. С востока.

Я напрягся.

— Римляне?

— Нет. Судя по описанию — италики. Самниты, луканы. Идут толпой, без строя, но с оружием.

Я встал.

— Сколько?

— Тысяч пять. Может, больше.

— Ко мне.

Через час они были на форуме.

Я вышел к ним в сопровождении Мегакла и сотни всадников. Италики стояли толпой — чумазые, оборванные, но с мечами и копьями. Впереди — несколько человек в плащах, похожих на вождей.

Один из них шагнул вперед. Высокий, черноволосый, со шрамом через всю щеку.

— Я — Пенний, вождь самнитов. Это — мои люди. Мы пришли посмотреть на того, кто взял Рим.

Я спешил, подошел ближе.

— Смотри.

Он окинул меня взглядом. Увидел рыжие волосы, шрам на скуле, спокойные глаза.

— Ты Пирр?

— Я.

— Говорят, ты внук Ахилла.

— Говорят.

— Говорят, ты разбил римлян при Гераклее, а потом взял их город за одну ночь.

— Разбил и взял.

Пенний усмехнулся.

— Мы, самниты, воюем с Римом сто лет. Они жгли наши деревни, угоняли наших женщин, убивали наших детей. Мы клялись, что увидим Рим в руинах. И вот — видим.

Он оглянулся на горящий город.

— Ты сделал то, что мы не смогли. За это — честь тебе и слава.

Я кивнул.

— Вы пришли воевать со мной или с ними?

Пенний рассмеялся.

— С ними, конечно. Рим — наш враг. Ты — наш... ну, не друг, но враг врага — уже почти друг.

— Тогда добро пожаловать. Войско нужно?

— Всегда нужно.

— Жалованье — как у моих наемников. Добыча — по справедливости. Но дисциплина — моя. Кто не подчинится

— голову сниму.

Пенний оглянулся на своих. Те зашумели, но он поднял руку.

— Дисциплина? Мы, самниты, не любим, когда командуют чужие.

— Тогда идите воюйте сами. Рим ваш, берите что хотите. Но если останетесь со мной — будете делать, как я скажу. Иначе — раздор в войске, и римляне нас перебьют поодиночке.

Пенний задумался.

— А что ты хочешь? Кроме Рима?

— Всю Италию. А потом — Сицилию. А потом — Карфаген.

Он присвистнул.

— Амбициозно.

— Я внук Ахилла.

— Ну да, ну да... — Он помолчал. — Ладно. Попробуем. Но если ты окажешься таким же безумным, как римляне говорят, мы уйдем.

— Договорились.

Я протянул руку. Пенний пожал. Ладонь у него была жесткая, мозолистая.

— Пошли, — сказал я. — Покажу вам город.

Мы пошли по улицам. Самниты смотрели по сторонам с жадным интересом. Для них Рим был символом ненависти, воплощением всего злого. И вот этот символ лежал в руинах.

— Красиво, — сказал Пенний, глядя на горящий храм. — Очень красиво.

— Это еще не все, — ответил я. — Завтра начнем сносить стены.

— Зачем?

— Чтобы нечем было защищаться, когда уйдем.

— А ты уйдешь?

— Не скоро.

За следующую неделю к нам пришли еще.

Луканы, бруттии, даже несколько отрядов этрусков — тех, кто ненавидел Рим больше, чем боялся нас. Каждый вождь приводил от нескольких сотен до пары тысяч воинов.

К концу второй недели у меня под рукой было уже около сорока тысяч италиков. Плюс мои двадцать — итого шестьдесят тысяч.

Шестьдесят тысяч человек.

Армия, с которой можно завоевать мир.

Но армия — это не только люди. Это дисциплина, организация, снабжение.

Я сидел в доме Сципиона (теперь он был моим штабом) и смотрел на карту. Карту Италии, которую нацарапал на доске по памяти.

Киней вошел с очередным докладом.

— Царь, продовольствия на три дня. Если не реквизируем у местных — начнем голодать.

— Реквизируй. Но аккуратно. Чтобы не восстановили всех против нас.

— Аккуратно не получится. Италики — они же дикие, им лишь бы грабить.

— Тогда пусть грабят, но под контролем. Половину — в общий котел, половину — себе. И чтобы без убийств мирных.

Киней кивнул и вышел.

Я снова уставился на карту.

Рим пал, но Рим — не вся Италия. На севере — этруски, которые пока выжидают. На юге — греческие города, которые звали меня, но теперь могут испугаться. На востоке — горные племена, с которыми нужно договариваться.

И везде — римские гарнизоны, римские колонии, римские союзники. Их много. Очень много.

Но у меня есть шестьдесят тысяч.

И есть память.

Я вспомнил, как в училище нам рассказывали про организацию войска. Римская армия — легионы, манипулы, центурии. Четкая структура, понятные команды, взаимозаменяемость. Греческая фаланга — монолит, но неповоротливый. А у меня сейчас — сборная солянка из эпиротов, фессалийцев, критян, самнитов, луканов и прочих.

Нужно учить.

— Мегакла ко мне, — крикнул я в дверь.

Через час мы собрались в большом зале. Командиры всех отрядов — мои и итальяйские. Человек тридцать.

Я стоял у стены с картой.

— Слушайте сюда. У нас шестьдесят тысяч. Это много. Но это стадо, если не организовать.

Пенний хмыкнул:

— Мои самниты воюют с детства. Их не надо учить.

— Надо, — отрезал я. — Воюют они по-своему. А я хочу, чтобы они воевали по-моему. Чтобы слушали команду, держали строй, не разбегались после первой же атаки.

— Строй? — удивился другой вождь, лукан. — Мы в горах воюем. Там строя не нужно.

— Здесь не горы. Здесь равнины, города, реки. Здесь нужен строй.

Они зашумели. Я поднял руку.

— Спокойно. Никто не отменяет вашей удали. Но удаль без порядка — это смерть. Римляне побеждали вас сто лет именно потому, что у них был порядок. А у вас — геройство.

Пенний нахмурился, но промолчал.

— Теперь так, — продолжал я. — Делим войско на четыре части. Первая — тяжелая пехота. Эпирская фаланга и самые сильные из италиков. Командует Леоннат.

Леоннат кивнул.

— Вторая — легкая пехота. Критяне, этолийцы, все, кто умеет метать. Командует Кратер.

Кратер, как всегда, молчал.

— Третья — конница. Фессалийцы и лучшие всадники из италиков. Командует Мегакл.

Мегакл расправил плечи.

— Четвертая — обоз и резерв. Старики, раненые, те, кто не годен для боя. Командует... — я посмотрел на Киней. — Киней.

Киней удивился.

— Царь, я же советник, а не воин.

— Будешь воином. Обоз — дело ответственное. Если обоз разграбят — армия с голоду сохнет.

Он вздохнул, но кивнул.

— Теперь — тренировки, — сказал я. — Каждый день. Утром — бег с оружием. Днем — построения. Вечером — отработка ударов. Кто не справляется — штраф. Кто отлы-

нивает — порка. Кто бунтует — смерть.

Италики переглянулись.

— Царь, — осторожно начал Пенний. — Мы свободные люди. Нас пороть нельзя.

— В моем войске — можно. Хотите быть свободными — будьте дисциплинированными. Иначе римляне вас снова завоюют.

Он замолчал.

— Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда пошли. Завтра с рассветом — построение на поле за Тибром.

Следующие три недели я гонял войско как сидоровых коз.

Подъем до рассвета. Бег в полном вооружении. Построения — фаланга, манипулы, клинья. Перестроения на бегу.

Метание дротиков. Работа мечом. И снова бег.

Италики сначала роптали. Потом привыкли. Потом даже начали гордиться — их хвалили, их ставили в пример, их учили драться не только храбро, но и умно.

Я сам выходил на поле каждый день. Показывал, как правильно держать щит, как ставить ногу при ударе, как уклоняться от копья. Память Пирра помогала — он был мастером рукопашного боя. А моя память добавляла то, чего древние не знали: работу в группе, взаимодействие, тактику малых подразделений.

К концу третьей недели армия преобразилась.

Шестьдесят тысяч человек двигались как один. Фаланга смыкала щиты за три удара сердца. Легкая пехота рассыпалась и собиралась по свистку. Конница атаковала клином, сметая все на пути.

— Царь, — сказал как-то Леоннат, глядя на учения. — Я тридцать лет воюю. Такого войска не видел никогда.

— Увидишь еще, — пообещал я.

На четвертой неделе пришли вести из Рима. Вернее, из того, что от него осталось.

Город лежал в руинах. Большая часть домов сгорела, стены местами разобрали, храмы осквернили. Уцелевшие римляне сидели по подвалам и жрали крыс.

Сенат — то, что от него осталось — прислал парламентаров.

Их впустили в лагерь и привели ко мне.

Я сидел на раскладном стуле перед шатром. Рядом стояли Киней и Мегакл. Вокруг — сотня гвардейцев с копьями.

Парламентаров было трое. Старики в грязных тогах, с лицами, серыми от горя.

Первый — тот самый Сципион. Второй — толстый, красномордый, который тогда вскакивал. Третий — незнакомый, с умными глазами.

— Царь, — начал Сципион. — Мы пришли просить мира.

— Поздно, — сказал я. — Я предлагал мир. Вы отказа-

лись.

— Мы были глупы. Мы не знали твоей силы.

— Знали. Я сказал вам, что будет, если откажетесь. Вы отказались. Теперь пожинайте плоды.

Сципион опустил голову.

— Мы согласны на любые условия.

Я усмехнулся.

— Любые? Хорошо. Рим прекращает существование как государство. Все граждане лишаются прав. Земли переходят в мою собственность. Выжившие выселяются за пределы Италии. Город сносится до основания.

Толстый вскрикнул:

— Это жестоко!

— Это справедливо. Вы хотели войны — вы ее получили.

Умный, третий, заговорил:

— Царь, позволь слово.

— Говори.

— Меня зовут Гай Фабриций Лусцин. Я был послан к тебе когда-то, еще до битвы при Гераклее. Ты принял меня хорошо, кормил с золотой посуды, но я отказался от подкупа. Помнишь?

Я напряг память. Пирр помнил. Действительно, был такой римлянин, честный до невозможности. Пирр тогда пытался его подкупить, но Фабриций отказался, сказав: «Царь, дружба честного человека дороже золота». Пирр уважал его за это.

— Помню, — сказал я. — Ты честный человек.

— Я прошу не за Рим, — сказал Фабриций. — Рим заслужил свою судьбу. Я прошу за людей. Женщин, детей, стариков, которые не брали в руки оружия. Они не виноваты в глупости сената. Позволь им остаться. Хотя бы женщинам и детям.

Я задумался.

— И что с ними делать? Оставить здесь, под руинами?

— Позволь им уйти. К латинам, к сабинянам, к кому угодно. Они не воины, они не опасны.

— Дети вырастут и станут воинами.

— Дети вырастут и будут помнить, что ты пощадил их матерей. Это дорогого стоит.

Я посмотрел на Киню. Тот пожал плечами — мол, решай сам.

— Хорошо, — сказал я. — Женщины и дети могут уйти. Но без оружия, без имущества, в чем есть. Мужчины остаются. Все, кто способен носить оружие, — в рабство или на тот свет. Выбирайте.

Фабриций поклонился.

— Благодарю, царь. Ты милостив.

— Я не милостив, — ответил я. — Я расчетлив. Мертвые женщины не родят новых воинов. А живые родят тех, кто будет помнить мою милость. Или мою жестокость. Посмотрим.

Парламентеры ушли.

Через три дня Рим опустел.

Женщины и дети ушли на север, к латинам. Мужчины — те, кто выжил — были закованы в цепи и отправлены в Тарент, на рынки рабов.

Город сожгли дотла.

Я стоял на Капитолии и смотрел, как огонь пожирает последние здания. Храм Юпитера, где заседали сенаторы, пылал ярче всех.

Рядом стоял Пенний.

— Красиво, — сказал он. — Очень красиво.

— Да, — ответил я. — Красиво.

— Что дальше?

— Дальше — Италия.

Через месяц мы выступили на север.

Этруски, узнав о падении Рима, прислали послов с дарами. Они просили мира и союза. Я согласился — при условии, что они выставят вспомогательные отряды.

Этруски выставили пять тысяч.

Теперь у меня было шестьдесят пять тысяч.

Мы шли по Италии, как нож по маслу. Города сдавались без боя. Гарнизоны разбежались. Местные племена присягнули на верность.

К зиме я контролировал всю центральную Италию. От Тирренского моря до Адриатики.

Войско встало на зимние квартиры в Кампании. Богатая область, тепло, еды полно.

Я сидел в бывшем дворце какого-то римского магната и планировал следующий год.

— Весной идем на юг, — говорил я Кинею и командирам. — Греческие города нужно привести к покорности. Тарент — наш союзник, но остальные... Сиракузы, Кротон, Регий. Они могут испугаться нашей силы и ударить в спину.

— А потом? — спросил Мегакл.

— Потом — Сицилия. Карфагеняне там хозяйничают. Нужно вышвырнуть их.

— А потом?

— Потом — Африка.

Киней присвистнул.

— Царь, ты серьезно? Карфаген — это не Рим. У них флот, у них деньги, у них наемники со всего света.

— У нас тоже наемники. И у нас есть я.

Они замолчали.

В последнее время они привыкли, что царь говорит странные вещи, но потом они сбываются. Рим пал. Италия покорилась. Почему бы не пасть Карфагену?

Я сам не знал, почему.

Но внутри горел огонь.

Тот самый, который гнал Александра на восток. Который гнал Пирра на запад. Который гнал меня — через время, через смерть, через чужое тело.

Я хотел большего.

Я хотел всего.

Конец третьей главы

Глава 4

Зима в Кампании выдалась холодная.

Для Италии, конечно, холодная — местные кутались в плащи и жались к очагам. Для меня, после окопов под Кременной, — курорт. Но я не жаловался. Работы было выше крыши.

Шестьдесят пять тысяч человек — это не армия. Это город, который нужно кормить, поить, лечить, одевать и учить. Каждый день.

Я вставал затемно, когда на востоке только начинало светлеть. Умывался ледяной водой из фонтана (роскошь — в доме бывшего римского магистрата был свой водопровод), набрасывал плащ и выходил во двор.

Там уже ждали.

Киней — с докладами о продовольствии. Леоннат — с рапортами о раненых. Мегакл — с жалобами на италиков. Кра-тер — с разведанными. И десяток писцов, которые записывали мои распоряжения на воощеных табличках.

— Царь, — начинал Киней, протягивая табличку. — Вчера подвезли зерно из Капуи. Три тысячи медимнов. Этого на неделю, не больше.

— Капуя даст еще?

— Даст, если заплатим. Но казна...

— Золото из Рима еще не пересчитали?

— Пересчитали. Тысяча двести талантов. Плюс серебро, плюс медь, плюс храмовая утварь. Но если мы будем кормить армию за свой счет — к весне останемся с пустыми руками.

Я тер перенощицу, соображая. В училище нас учили логистике, но там были другие масштабы. Рота, батальон, максимум бригада. А тут — шестьдесят пять тысяч ртов.

— Слушай сюда, — говорил я. — Зерно у италиков есть. У самнитов, у луканов, у бруттиев. Они наши союзники. Пусть кормят армию за свой счет.

— Они не согласятся, — качал головой Киней.

— Согласятся. Скажи им: либо они кормят наших вои-

нов, либо римляне вернутся и снова сожгут их деревни. Выбирайте.

Киней вздыхал, но записывал.

Дальше шли италийские вожди.

Пенний приходил первым — самый наглый, самый говорливый. Он уже освоился в моем штабе, чувствовал себя почти своим.

— Царь, мои самниты мерзнут. У них плащи тонкие, они к такому холоду не привыкли.

— В горах живете и не привыкли?

— В горах мы в шкурах ходим. А тут Кампания, вроде тепло должно быть, а дубака такая...

— Выдам плащи. Из римских запасов. Но учти: за все надо отрабатывать.

— Чего хочешь?

— Воинов — на тренировки. Каждый день. Кто пропускает — без плаща.

Пенний кривился, но кивал.

Потом приходил вождь луканов, старый, молчаливый, с лицом, изрезанным морщинами. Звали его Стаций. Он говорил редко, но по делу.

— Царь, мои люди хотят домой. Соскучились.

— Пусть потерпят. Весной пойдем в поход — тогда увидят дома.

— А если не потерпят?

— Тогда я их отпущу. Навсегда.

Стаций понимал, что значит «навсегда». Кивал и уходил.

Потом приходили этруски — пятеро важных господ в расшитых одеждах, с золотыми перстнями на пальцах. Они не воевали, они торговались. Просили привилегий для своих городов, обещали еще воинов, просили золота.

С ними было сложнее. Этруски — народ хитрый, старый, с богатой историей. Они помнили времена, когда правили всей Италией. Рим был для них выскочкой, а я — варваром

с востока. Но выбора у них не было.

— Господа, — говорил я. — Ваши города стоят на севере. Римляне пока не сунутся, но весной могут. Если вы дадите мне еще пять тысяч воинов — я прикрою ваши границы.

— А если не дадим? — спрашивал самый важный, Лароний.

— Тогда прикрою только свои. Ваши проблемы — это ваши проблемы.

Они переглядывались, шептались, потом соглашались.

К полудню я выезжал в лагерь.

Лагерь раскинулся на равнине за городом, у реки Вольтурн. Палатки, шатры, костры, кони, люди — насколько хватало глаз. Шестьдесят пять тысяч. Когда смотришь с холма — мурашки по коже.

Я объезжал строй, смотрел, как идут тренировки.

Леоннат командовал фалангой. Эпироты стояли как скала — сомкнутые щиты, выставленные сарриссы, ряды ровные, как по линейке. Италики рядом с ними выглядели оборван-

цами, но старались.

— Выше копья! — орал Леоннат. — Не дрожите, воины Ареса! Выше, я сказал!

Я подъезжал ближе. Воины вытягивались, стараясь показать себя.

— Хорошо идут, — говорил я Леоннату. — Но медленно. Перестроение на бегу нужно отрабатывать.

— Царь, они и так...

— Мало. Римляне быстрее. Если мы не научимся перестраиваться на ходу, они нас окружат и перебьют.

Леоннат кивал, но в глазах читалось сомнение. Он тридцать лет воевал по старинке, и вдруг какой-то царь (пусть и с божественным покровительством) учит его воевать заново.

Но спорить не смел.

Я ехал дальше, к легкой пехоте. Там хозяйничал Кратер.

Критяне метали дротики с точностью пулеметчиков. Попадали в щит с пятидесяти шагов, в шлем — с тридцати.

Италики рядом с ними только учились.

— Кратер, — говорил я. — Забирай самых метких из италиков. Пусть твои критяне учат их стрелять.

— Мои не любят учить чужих.

— Скажи им: кто научит десять италиков — получит двойную долю добычи.

Кратер кивал. Деньги решали все.

Конница Мегакла гарцевала на дальнем конце поля. Фесалийцы — лучшие всадники Греции — носились вихрем, разили копьями, рубили мечами. Самниты на своих низкорослых лошадках смотрелись бледно.

— Мегакл! — кричал я. — Учи их атаковать клином! Римляне строят «черепашу» — конница должна пробивать!

— Сделаем, царь!

Я возвращался в город уже к вечеру, усталый, продрогший, но довольный. Армия росла, крепла, училась.

Но главное было впереди.

Через две недели после того, как мы встали на зимние квартиры, ко мне пришел Киней с необычной просьбой.

— Царь, тут пришли какие-то люди. Говорят, мастера. Хотят видеть тебя.

— Мастера? Какие?

— Разные. Кузнецы, литейщики, строители. Говорят, слышали о твоих победах и хотят предложить свои услуги.

Я оживился.

— Веди.

В зал вошли человек десять. Разные — старые и молодые, богато одетые и в рубищах, с важными лицами и с подобострастными улыбками.

Первый — толстый, лысый, в дорогом хитоне с пурпурной каймой. Поклонился, представился:

— Царь, меня зовут Агасий. Я литейщик из Сиракуз. Де-

лаю лучшие бронзовые панцири во всей Сицилии. Хочу работать на тебя.

Я посмотрел на него. В памяти всплыло: сиракузские доспехи ценились по всему Средиземноморью. Если этот толстяк не врет — золото, а не человек.

— Что тебе нужно?

— Мастерская. Медь, олово, уголь. И освобождение от налогов.

— Получишь. Сколько панцирей можешь делать в месяц?

— Сотню. Если найму помощников — двести.

— Хорошо. Будешь делать для моей гвардии. Но качество проверю лично.

Он поклонился.

Второй — худой, длинный, с руками, перепачканными чем-то черным. Представился как Феодор, оружейник из Коринфа. Делает мечи.

— Коринфские мечи лучшие в Греции, — сказал он. —

Я учился у самого Клеанфа.

— Покажешь образцы?

— Конечно, царь.

Он вытащил из-за пояса меч — прямой, обоюдоострый, с рукоятью из слоновой кости. Я взял, взвесил в руке. Легкий, удобный, баланс отличный. Память Пирра одобрила.

— Беру. Сколько таких можешь делать?

— Пять в месяц. Если найду подмастерьев — десять.

— Мало. Мне нужно оружие на шестьдесят тысяч.

Феодор развел руками.

— Царь, хороший меч нельзя делать быстро. Это не топор-колун.

— Знаю. Но постарайся. Я дам тебе помощников — пусть учатся.

Он поклонился.

Третий — молодой, с живыми глазами, назвался Архимедом.

Я чуть не поперхнулся.

— Кто-кто?

— Архимед, царь. Из Сиракуз. Я механик.

Я смотрел на него во все глаза. Тот самый Архимед? Который с рычагами, винтами и «Эврика»? Но потом сообразил: хронология не сходится. Настоящий Архимед родится лет через пятьдесят. А этот — просто тезка. Или предок.

— Что умеешь?

— Строить машины. Катапульти, баллисты, скорпионы. Могу сделать стенобитные орудия, каких никто не видел.

— Покажи.

Он вытащил свиток, развернул. На папирусе были нарисованы чертежи — довольно корявые, но понятные. Катапульта с торсионным механизмом, баллиста для стрельбы камнями, что-то вроде осадной башни.

Я смотрел и думал: это я и сам могу нарисовать. В училище нам рассказывали про историю фортификации, показывали картинки древних орудий. Но если этот парень умеет их строить — почему нет?

— Хорошо, — сказал я. — Будешь работать. Построишь мне парк осадных машин. За зиму.

Архимед поклонился.

— Сделаю, царь.

Остальные мастера представлялись по очереди: кожевники, шорники, плотники, корабелы. Я принимал всех. Талантливые руки — это оружие страшнее мечей.

Киней, наблюдавший за этим, подошел ко мне вечером.

— Царь, ты берешь всех подряд. Кормить их надо, платить...

— Надо, — согласился я. — Но запомни: хороший меч стоит дороже десяти воинов. Хорошая катапульта заменяет сотню. Если мы хотим завоевать мир, нам нужны не только солдаты, но и мастера.

Киней покачал головой, но спорить не стал.

Я велел разослать гонцов по всему Средиземноморью.

В Грецию, в Малую Азию, в Египет, на Кипр, на Родос. Везде, где есть мастера, механики, инженеры. Обещал золото, кров, свободу от налогов, почет и уважение.

К весне в Кампанию потянулись люди.

Приходили греки с чертежами и инструментами. Приходили финикийцы, знающие толк в кораблях. Приходили египтяне, умеющие строить ирригационные каналы. Приходили даже из далекой Индии — какие-то бродячие мастера, которые клялись, что умеют делать «греческий огонь» (врали, конечно, но я брал на заметку).

Я собирал их всех, разговаривал, отбирал лучших.

Самым ценным приобретением оказался человек по имени Ктесибий. Грек из Александрии, механик, ученик самого... ну, не помню кого, но важного. Он привез с собой чертежи удивительных машин — водяные насосы, пневматические орудия, даже что-то вроде паровой турбины (на бумаге,

правда, и работало ли — неизвестно).

— Царь, — говорил он, разворачивая свитки. — Смотри. Это сифон. Если нагреть воду в закрытом сосуде, пар вытолкнет воду с огромной силой. Можно тушить пожары, а можно... — он понизил голос, — метать горящую смесь во врага.

Я смотрел на чертежи и понимал, что этот гений на пороге изобретения парового двигателя. На две тысячи лет раньше срока.

— Делай, — сказал я. — Получишь все, что нужно. Медь, бронзу, рабов, мастеров. Делай.

Ктесибий поклонился и ушел, сияя.

Пока мастера работали, я занимался политикой.

Италия — это не просто земля. Это десятки племен, народов, городов, каждый со своими интересами, обидами, амбициями. Римляне держали их в узде сто лет, играя на противоречиях. Теперь эту узду нужно было затянуть мне.

Я изучил систему римских договоров. Она была хитрая, как силками :

— Одним давали «равный договор» — полная автономия, но внешняя политика римская.

— Других ставили в подчинение, отбирали землю, запрещали даже жениться между собой.

— Третьим давали римское гражданство, но без права голоса — чтоб не лезли в политику.

— Четвертых просто давили налогами и гарнизонами.

И все это работало. Потому что римляне умели ждать. Умели награждать верных и наказывать непокорных. Умели управляться с правилом «разделяй и властвуй» .

Я решил действовать хитрее.

— Киней, — сказал я однажды. — Собери всех вождей. Самнитов, луканов, бруттиев, этрусков, греков из городов. Всех.

— Зачем?

— Будем договариваться.

Через три дня они собрались в базилике Капуи — боль-

шой зале с колоннами, где раньше вершили суд римские магистраты. Вожди сидели на скамьях, переговаривались, поглядывали на меня с подозрением.

Я вышел к ним без оружия, в простом хитоне, без царских регалий.

— Слушайте, — сказал я. — Вы все знаете, что Рим пал. Но Рим — это не только город. Это система. Которую они строили сто лет. Сейчас эта система рухнула. И нам нужно построить новую.

Пенний крикнул:

— Зачем нам новая? Мы свободны! Хотим — воюем, хотим — миримся, хотим — дома сидим!

— Свободны? — усмехнулся я. — А кто вас защитит, когда с севера придут галлы? А когда карфагеняне высадятся на юге? А когда ваши же соседи начнут резать друг друга?

Он замолчал.

— Я не собираюсь быть новым Римом, — продолжал я. — Я не буду ставить гарнизоны в ваших городах, забирать ваших детей в заложники, запрещать вам жениться на ком

хотите. Но я хочу, чтобы мы были вместе.

Стаций, вождь луканов, подал голос:

— Что значит — вместе?

— Значит — общее войско, общий враг, общая добыча. И общие правила.

— Какие правила?

Я развернул свиток, который приготовил заранее.

— Первое. Каждый народ сохраняет свои законы, обычаи, веру. Я не лезу в ваши дела.

Вожди закивали — это нравилось.

— Второе. Торговля между нашими землями — беспопытная. Никаких налогов на границах.

Этруски оживились — торговля была их кровью.

— Третье. Споры между нашими народами решаем не войной, а судом. Судьи — по одному от каждого народа, плюс я как верховный арбитр.

— А если твой суд будет несправедлив? — спросил Пенний.

— Тогда вы можете уйти из союза. Но если уйдете — защиты от врагов не ждите.

Он хмыкнул, но промолчал.

— Четвертое. Общее войско. Каждый народ выставляет воинов по договоренности. Командую я. Добыча делится по справедливости — кто больше воевал, тот больше получает.

— А если мы не хотим воевать? — спросил кто-то из этрусков.

— Тогда сидите дома. Но кормить армию все равно будете — зерном, скотом, оружием. Потому что армия защищает и вас тоже.

Они зашумели. Я дал им время.

Потом поднял руку.

— Я не Рим. Я не буду вас давить. Но если вы не будете вместе — вас раздавят поодиночке. Галлы, карфагеняне, или

те же римляне, если очухаются. Выбирайте.

Наступила тишина.

Первым встал Пенний.

— Царь, я с тобой. Самниты говорят — да.

За ним поднялся Стаций.

— Луканы согласны.

Потом этруски, после долгих переговоров между собой, тоже кивнули.

— Мы согласны, — сказал Лароний. — Но хотим записать все в договор. На бронзе. Чтобы потом не переигрывали.

— Запишем, — пообещал я.

Так родилась Италийская лига.

К весне у меня было уже не просто войско, а государство.

В Кампании кипела работа. Мастера лили бронзу, ковали мечи, строили катапульты. Ктесибий мучился с паровой машиной — пока не работало, но он клялся, что скоро заработает. Архимед (не тот, но хороший) настроил баллист так, что они били на триста шагов.

Италики присылали зерно, скот, кожу, шерсть. Греческие города юга — вино, масло, корабли. Этруски — медь и олово из своих рудников.

Я сидел в штабе и планировал.

Сицилия была следующей.

Остров лежал к югу, богатый, хлебный, но раздираемый войнами. Греческие города враждовали с карфагенянами, карфагеняне — с греками, и все вместе — с местными племенами. Идеальное место для вмешательства.

— Киней, — спросил я. — Что слышно с Сицилии?

— Послы из Сиракуз приезжали, пока ты был с войском. Просят помощи. Карфагеняне жмут, осадили город с моря.

— Помощи? Или хотят, чтобы я пришел и всех спас?

— И то, и другое. Сиракузы — богатый город. Если возьмешь их под защиту — получишь и золото, и флот.

Флот. Это было важно.

У меня было шестьдесят пять тысяч воинов, но ни одного корабля. Без флота Сицилию не взять, Карфаген не победить, Африку не завоевать.

— Сколько кораблей у сиракузян?

— Двести, говорят. Но многие повреждены. Карфагеняне их побили.

— Двести — хорошо. Даже если сто — хорошо.

Я задумался.

— Шли гонцов в Сиракузы. Скажи: я приду весной. Но пусть готовят флот и золото.

— А условия?

— Условия простые. Сиракузы признают мою власть, дают корабли и воинов, получают защиту. И свободу — внутри города сами решают свои дела.

Киней записал.

— Еще, — добавил я. — Шли людей в Карфаген. Пусть разведают, что там. Сколько войск, какие планы, кто командует.

— Царь, Карфаген далеко. Туда и обратно — месяцы.

— Ничего. Война долгая.

Киней ушел.

Я сидел и смотрел на карту. Сицилия, Сардиния, Корсика, Африка, Испания — весь западный мир лежал передо мной. Александр завоевал восток. Я завоюю запад.

Почему бы и нет?

В последний день зимы я устроил смотр.

Шестьдесят пять тысяч воинов выстроились на равнине. Фаланга — щит к щиту, сарриссы торчат, как лес. Легкая пехота — рассыпным строем, дротики наготове. Конница —

клиньями, готовая к атаке. Обоз — повозки с припасами, катапульты, баллисты, осадные башни.

Я проехал вдоль строя на своем вороном коне. Люди кричали, махали мечами, славили Пирра, Ахилла, Ареса.

Киней ехал рядом.

— Царь, — сказал он тихо. — Ты сделал невозможное. Год назад у тебя было двадцать тысяч израненных воинов. Сейчас — шестьдесят пять, обученных, вооруженных, преданных. Это чудо.

— Не чудо, — ответил я. — Работа.

— Боги тебе помогают.

— Может быть.

Я остановил коня, поднял руку. Крики стихли.

— Воины! Завтра мы выступаем на юг. На Сицилию. Там нас ждут богатые города, ждут враги, ждет слава. Мы разобьем карфагенян, освободим греков, возьмем добычу, какой вы не видели!

— Пирр! Пирр! — заорали тысячи глоток.

— Но помните! Дисциплина — прежде всего. Кто нарушит приказ — голову сниму. Кто побежит с поля боя — умрет от моей руки. Кто тронет женщину или ребенка без моего приказа — будет распят.

Тишина.

— А кто будет драться храбро — получит золото, землю и славу. Навеки.

Снова крики.

Я развернул коня и поехал назад.

Киней догнал.

— Царь, а если они не послушают? Если начнут грабить?

— Начнут — накажу. Пример нужен. Жестокий пример.

— Кого?

— Найдем.

Утром следующего дня армия выступила.

Мы шли на юг, через Кампанию, через Луканию, к проливу, отделяющему Италию от Сицилии. Дороги были плохие, весенняя распутица, но люди шли бодро.

Я ехал в голове колонны, рядом — Пенний и Мегакл.

— Царь, — спросил Пенний. — А что мы будем делать на Сицилии? Воевать с карфагенянами?

— Воевать.

— Они сильны?

— Сильны. У них флот, у них золото, у них наемники со всего света. Но у них нет такого войска, как у нас.

— А если они не выйдут в поле? Если спрячутся за стенами?

— Тогда будем брать стены. У нас есть катапульты, баллисты, тараны. Архимед обещал сделать что-то особенное.

— А если у них стены высокие?

— Значит, будем лезть выше.

Пенний хмыкнул, но промолчал.

Мы шли на юг.

Впереди была Сицилия.

Впереди был Карфаген.

Впереди была война.

На ночлег остановились у города Пестум. Древний греческий город, красивые храмы, богатые дома. Жители высыпали на стены, смотрели на нашу армию со страхом и любопытством.

Я послал гонцов с предложением: дайте продовольствие, и мы пройдем миром. Городской совет согласился.

Ночью ко мне в шатер пришли двое. Местные греки, богатые купцы.

— Царь, — сказал старший. — Мы слышали, ты собираешь мастеров со всего мира.

— Собираю.

— У нас есть человек. Лучший кораблестроитель в Италии. Но он в тюрьме.

— За что?

— Долги. Задолжал городской казне, не может отдать.

Я усмехнулся.

— Приведите его.

Привели. Худой, изможденный, в цепях, но глаза горят.

— Имя?

— Аристон, царь. Из Коринфа.

— Корабли строить умеешь?

— Лучше меня только родосцы.

— Сколько должен городу?

— Три таланта.

Я посмотрел на Киня. Тот поморщился — три таланта это много.

— Заплатим, — сказал я. — Снимите цепи.

Городские чиновники засуетились, но спорить не посмели.

Аристон упал на колени.

— Царь... я твой должник навеки.

— Не навеки. Построишь мне флот — и мы в расчете.

— Построю.

— Сколько кораблей можешь сделать за год?

— Если дашь мастеров, лес, бронзу — пятьдесят.

— Мало. Сто нужно.

— Тогда два года.

— Хорошо. Начинай завтра.

Так в моей армии появился флотоводец.

Через неделю мы вышли к проливу.

На той стороне, в туманной дымке, виднелась Сицилия. Остров, который должен был стать моим.

— Красиво, — сказал Пенний.

— Да, — ответил я. — Очень красиво.

— Переправляться будем?

— Будем. Но сначала — договоримся с сиракузянами.

Послы из Сиракуз уже ждали в Регии, греческом городе на итальянском берегу. Я принял их в храме Посейдона.

Их было трое. Старые, важные, в пурпурных тогах.

— Царь, — начал старший. — Сиракузы в опасности. Карфагеняне осадили нас с моря. Мы просим твоей помощи.

— Помогу. Но на условиях.

— Каких?

— Сиракузы признают мою власть. Дают флот и воинов. Получают защиту и свободу внутренних дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.